

ДЕПОРТАЦИЯ УЧЁНЫХ ИЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1922 г.: УРОКИ ИСТОРИИ

Л.Г. Берлявский

*Ростовский государственный экономический
университет «РИНХ»*

Аннотация: В статье автор рассматривает взаимоотношение науки и советского политического режима. Анализируются события 1922 года — депортация из страны большой группы учёных. Важной проблемой, которую ставит автор, является оценка итогов высылки и интеллектуального истощения общества. В статье актуализируется административная высылка как средство борьбы с интеллектуальной оппозицией.

Ключевые слова: наука, советский политический режим, депортация учёных, административная высылка, интеллектуальная оппозиция, политическая оппозиция.

Одним из наиболее ярких событий в истории взаимоотношений науки и советского политического режима является состоявшаяся в 1922 г. депортация из страны большой группы учёных и других представителей интеллектуальной элиты. Собственно, высылка как вид уголовного наказания открывала главу «Роды и виды наказаний и других мер социальной защиты» вступившего в силу 1 июня 1922 г. Уголовного кодекса РСФСР. Однако все высланные депортировались не в результате уголовного преследования и не на основании судебного приговора, а в административном порядке — по решению исполнительной власти, без какого-либо судебного разбирательства.

10 августа 1922 г. ВЦИК был принят декрет «Об административной высылке», согласно которому высылка в административном порядке устанавливалась «в целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям», в отношении которых испрашивалось у Президиума ВЦИК разрешение на изоляцию свыше двух месяцев и в тех случаях, «когда имеется возможность не прибегать к аресту». Рассмотрение вопросов о высылке возлагалось на Особую комиссию при наркомате внутренних дел под председательством наркома. Высланные лишались избирательного права и поступали под надзор ГПУ [Об административной высылке... 1922: 813–814]. 3 января 1923 г. вступила в действие подписанная Ф.Э. Дзержинским «Инструкция по применению постановления ВЦИК об административной высылке за границу и внутренней высылке».

В самом тексте декрета ВЦИК содержалось существенное противоречие: в п. 1 указывалось, что высылка осуществляется за границу или в определённые местности РСФСР, а пункт 6 чётко определял, что срок административной высылки не может превышать трех лет.

Если следовать букве декрета, то и высланные за границу имели право вернуться через три года. Между тем, их высылали бессрочно, с арестованных была взята подписка с обязательством не возвращаться в Советскую Россию. Ю.И. Айхенвальд, давая подписку, указывал в ней, что предупрежден о применении к нему ст. 7 Уголовного кодекса РСФСР, карающей за самовольное возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания [Очистим Россию надолго... 2003: 67].

Основную работу по подготовке к высылке возложили на ГПУ, которое уже имело в этом деле некоторый опыт [Философский пароход... 2002: 134]. Ещё в мае 1921 г. в целях выявления инакомыслящих в важнейших государственных учреждениях страны, в том числе, в наркоматах и университетах, были созданы «бюро содействия» работе ВЧК, члены которых из числа партийных и советских руководителей (коммунисты с не менее чем 3-летним партийным стажем) собирали разнообразную информацию об антисоветских элементах в своих учреждениях. Кроме того, в их обязанности входило наблюдение за проведением съездов, собраний и конференций. Информационные материалы «бюро», являясь строго секретными, концентрировались в 8-м отделении секретного отдела ВЧК — ГПУ.

Непосредственное проведение мероприятий по высылке учёных и специалистов в ГПУ возложили на 4-е отделение секретного отдела, отвечавшее за «работу с интеллигенцией». Несколько позднее в центральном аппарате ГПУ на базе этого отделения было создано «особое бюро по административной высылке антисоветской интеллигенции», аналогичные бюро были образованы в аппаратах полномочных представителей губодтделов ГПУ. Ф.Э. Держинскому было предоставлено право вносить изменения в список высылаемых [Постановление Политбюро ЦК РКП (б)... 1922с: 92].

Рассматривая обстоятельства высылки, следует указать, что она готовилась в непосредственной связи с преследованием политических противников Советской власти из социалистического лагеря: меньшевиков и эсеров. 7 января 1922 г. И.С. Уншлихт предъявил постановление президиума ВЧК содержащимся в Бутырской тюрьме меньшевикам [Уншлихт И.С. — В Политбюро ЦК РКП (б)... 1922]. В конце февраля 1922 г. в Москве было объявлено о предстоящем судебном процессе над правыми эсерами. По мнению ряда исследователей, во главе общественной борьбы против предстоящей расправы над эсерами оказались находившиеся в эмиграции меньшевики во главе с Ю.О. Мартовым, выступившим с инициативой вовлечения в эту борьбу А.М. Горького [Флейшман, Хьюз, Раевская-Хьюз 1990: 232–233].

Именно А.М. Горький вышел на серьёзные общеполитические выводы и в письме А.И. Рыкову по поводу процесса над правыми эсерами настаивал на том, что «за все время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране» [Горький 1989: 243]. Реакция научных кругов, уже испытавших на себе воздействие судебно-политических репрессий, мало чем отличалась от позиции Горького, так как учёные становились потенциальным объектом преследования советских властей. 16 июля 1922 г. В.И. Ленин направил И.В. Сталину письмо о том, что необходимо осуществить решение высшего советского руководства о высылке оппозиционно настроенных к Советской власти представителей интеллигенции и о том, что все мероприятия следует провести быстро, до окончания судебного процесса над левыми эсерами [Ленин В.И. — Сталину И.В.... 1922а].

Немаловажным было также отсутствие легальных, правовых возможностей выезда учёных, не согласных с политическим режимом, о чем упоминает один из высланных — профессор Д. Лухотин.

Серьёзным фактором был рост авторитета учёных, принявших активное участие в борьбе с голодом в 1921–1922 годах. Статус общественного Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгола) был утверждён ВЦИК, председателем его был назначен председатель Моссовета Л.Б. Каменев, а почётным председателем избран писатель В.Г. Короленко. В со-

ставе «Помгола», деятельность которого стала беспрецедентным в истории СССР случаем предоставления широкой автономии общественной организации, были широко представлены научные круги России: президент Академии наук А.П. Карпинской, вице-президент В. Стеклов, академики П. Лазарев, В. Игнатъев, А. Ферсман, Н. Курнаков, Н. Марр, С. Ольденбург, профессора А. Чаянов, Н. Кондратьев и другие [Просим освободить... 1998: 165–167]. При Комитете действовала ячейка коммунистов из 12 человек: А.В. Луначарский, М.М. Литвинов и др.

Комитет был наделен широкими полномочиями: правами образовывать свои отделения на местах и за рубежом, приобретать в России и за границей продовольствие, фураж, медикаменты, распределять их среди голодающих. В результате переговоров с представителями зарубежных комитетов помощи голодающим в России была достигнута договоренность о поездке делегации Помгола в Стокгольм. Деятельность Комитета помощи голодающим М. Геллер и А. Некрич расценили как заключение Советской властью «похабного» мира с интеллигенцией [Геллер, Некрич 1990: 75].

Разумеется, подобный мир долго просуществовать не мог, и уже в июле 1921 г. почётный председатель «Помгола» В.Г. Короленко пришёл к выводу, что «у нас, вместо свободы, все идёт прежним путём: одно давление сменилось другим, и вот вся наша «свобода» [Короленко 1989: 71]. Ректор Московского зоотехнического института профессор М.М. Щепкин, арестованный карательными органами в числе других членов Комитета помощи голодающим по обвинению в контрреволюционной деятельности, на следствии признал, что отдельные члены комитета в неофициальной обстановке высказывались о возможности падения советской власти из-за голода и разрухи. Последовавшие в августе 1921 г. аресты московских профессоров, сотрудничавших с «Помголом», продемонстрировали негативную оценку властями гуманитарной акции учёных в помощь голодающим.

В.И. Ленин 26 августа 1921 г. направил письмо И.В. Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП (б), в котором предложил распустить Помгол, арестовать С.Н. Прокоповича, остальных членов этого комитета выслать из Москвы, «разместив их по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, под надзор» [Ленин 1970: 140–142]. В июле этого года вместо Помгола была создана Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК под председательством М.И. Калинина. Итог деятельности Помгола был подведён в резолюции XII Всероссийской конференции РКП (б) (август 1922 г.): «Опыт пресловутого Всероссийского общественного комитета помощи голодающим («Прокукиш»), попытавшегося использовать легальную организацию помощи голодающим для целей контрреволюции, был только первым шагом» [XII Всероссийская конференция РКП (б)... 1922: 464].

Осуществление новой экономической политики породило у учёных определённые надежды на возможную политическую либерализацию. При этом деятели науки не избегали острых оценок, откровенно обозначали свои политические взгляды. Например, И.А. Ильин в речи на заседании Московского юридического общества весной 1922 г. охарактеризовал переживаемое время как деспотию интернационалистов, хозяйственную опустошительность коммунизма [Ильин 1990: 61]. П.А. Сорокин в речи в Петербургском университете в феврале 1922 г. выступал за «чистую науку, обязательную для всех, кроме дураков, не лакействующую ни перед кем», против «буржуазных» и «пролетарских» суррогатов науки [Сорокин 1992: 245–247]. Не случайно, что рецензия П. Сорокина на книгу Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма» была признана «некорректной», а набор книги выдающегося социолога «Голод как фактор» подвергся уничтожению.

В опубликованной в феврале 1922 г. правдинской заметке «Кадеты за работой» утверждалось, что «профессора ВУЗ ведут бешеную кампанию против Советской власти»; опирающиеся исключительно на веяния НЭПа, они разыгрывают предгенуэзскую комедию борьбы за «автономию» высшей школы [Кадеты за работой... 1922]. Обращает на себя внимание увязка борьбы профессоров за академическую автономию с надеждами на усиление роли оп-

позиции в условиях борьбы СССР за дипломатическое признание. Обзор ГПУ политико-экономического состояния РСФСР по округам за март 1922 г. зафиксировал наибольшее оживление в кадетских группах высших учебных заведений [Обзор ГПУ... 2003: 1].

Даже находясь под следствием в ГПУ, многие учёные не отказывались от своих воззрений. Так, в протоколе допроса Н.А. Бердяева от 19 августа 1922 г. зафиксировано: «Стою на точке зрения человека и человечества, до которых должна подняться всякая классовая ограниченность и корысть... Не сочувствую политике советской власти относительно высшей школы, поскольку она нарушает свободу науки и преподавания и стесняет свободу преподавания философии» [Протокол допроса Н.А. Бердяева... 1994: 202–203].

Подобное политическое свободомыслие не могло не тревожить власти, так как при НЭПе продолжали существовать вполне легальные возможности высказывания своих взглядов, в частности, в ноябре 1921 г. была разрешена деятельность частных издательств, число которых в Москве составляло 220, а в Петрограде — 99. Именно благодаря этому на страницах журнала «Экономист», издававшегося промышленно-экономическим отделом Русского технического общества, Б.Д. Бруцкус сделал вывод о несовместимости социализма с рынком, экономической непродуктивности данного строя, силе военно-коммунистических тенденций на любых этапах построения социализма: «Именно в социализме государство является во всемогуществе и политической силе» [Бруцкус 1990: 174–212]. Другой автор этого журнала П. Чубутский был уверен, что главным элементом возрождения России становится «мужик» — крестьянин, сельский труженик «хозяин», вовлекаемый в рыночные отношения посредством кооперации [Чубутский 1992: 59].

В публикациях сотрудников «Экономиста», в числе которых были П.А. Сорокин, Е.В. Тарле, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Н.Д. Кондратьев, А.И. Тарновский и другие, с введением НЭПа начала формироваться либерально-демократическая альтернатива государственному социализму, учитывавшая общенациональные интересы российского общества. 19 мая 1922 г. В.И. Ленин обратился к Ф.Э. Дзержинскому по «вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции... Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически высылать за границу». В письме упоминались закрытый в Петрограде журнал «Новая Россия» и враждебно настроенные по отношению к Советской власти сотрудники журнала «Экономист» [Ленин В.И. — Дзержинскому Ф.Э... 1922].

Вскоре, 21 мая 1922 г. нарком здравоохранения Н.А. Семашко направил письмо членам Политбюро ЦК РКП (б) об опасных антисоветских течениях, проявившихся на 2-м Всероссийском съезде врачебных секций при ЦК профсоюза Всемедикосантруда, широко распространённых среди интеллигенции и старых специалистов и опасных в период переустройства советской системы и проведения НЭПа. В письме предлагалось с помощью ГПУ «изъять верхушку» оппозиционного съезда и некоторых местных врачебных обществ. В.И. Ленин запиской на данном письме, адресованной И.В. Сталину, предложил ознакомить с предложениями Семашко всех членов Политбюро для выработки ГПУ соответствующих директив [Семашко Н.А. — Членам Политбюро ЦК РКП (б)... 1922].

Обращает на себя внимание выполненная на этом же письме вслед за записью В.И. Ленина резолюция М.П. Томского: «Воздерживаюсь, ибо вопрос съезда врачей требует иной постановки дела. Во многом виноваты мы сами и в первую голову т. Семашко» [Томский 1922]. Из этого можно сделать вывод, что в высшем советском партийно-государственном руководстве не было единства по проблеме «изъятия верхушки» интеллигенции. Поэтому представляется недостаточно обоснованной позиция М.Е. Главацкого о том, что решение о высылке было принято до 19 мая 1922 г. [Главацкий 2002: 92–93]

Только через пять дней после письма В.И. Ленина от 19 мая 1922 г., на заседании Политбюро было решено поручить Ф.Э. Дзержинскому с участием Н.А. Семашко выработать план мер в связи с Всероссийским съездом врачей [Протокол заседания Политбюро ЦК

РКП (б) № 8... 1922]. 1 июня 1922 г. ГПУ за подписью особоуполномоченного Я. Агранова была направлена докладная записка в Политбюро ЦК РКП (б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции», в которой утверждалось, что антисоветская интеллигенция широко использует открывшиеся ей возможности организации и собирания своих сил, созданные мирным курсом и ослаблением деятельности репрессивных органов. По мнению автора записки, мощь антисоветской интеллигенции и ее сплочённых группировок усиливается еще и тем обстоятельством, что в широких кругах членов компартии в связи с ликвидацией фронтов и нэпом установилось определённое «мирное» ликвидаторское настроение. Борьба за автономию высшей школы была охарактеризована в этом документе как имевшая исключительно политические цели. В качестве «орудий борьбы» антисоветской интеллигенции были названы частные общества (научные, торгово-промышленные и др.), частные издательства и периодическая печать, съезды и всероссийские совещания спецов [Агранов 1922].

Исходя из этих данных ГПУ, Политбюро 8 июня 1922 г. предложило ВЦИК издать постановление о создании особого совещания из представителей НКВД и НКЮ, которому предоставить право в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определённые пункты РСФСР. Для окончательного рассмотрения списка «подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок» образовывалась комиссия в составе И.С. Уншлихта, Л.Б. Каменева, Д.И. Курского [Об антисоветских группировках... 1922].

22 июня 1922 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняло по докладу И.С. Уншлихта постановление о высылке группы делегатов Всероссийского съезда врачей за использование ими служебного положения для антисоветской агитации [Постановление Политбюро ЦК РКП (б)... 1922а]. В этот же день Политбюро разослало губкомам партии письмо с разъяснением о том, что на Всероссийской партконференции в докладе «Очередные вопросы агитации и пропаганды» будет рассматриваться вопрос об отношении к антисоветским партиям и течениям [Политбюро ЦК РКП (б). — Губкомам РКП (б)... 1922]. Тезисы данного доклада были подготовлены Г.Е. Зиновьевым [Зиновьев 1922].

В это время деятели отечественной науки протестовали против конкретных проявлений советской политической практики. В частности, президент Академии наук А.П. Карпинский и председатель РАИМК А. Васильев в письме, направленном в мае 1922 г. во ВЦИК и Наркомпрос, резко высказывались против изъятия церковных ценностей и «антикультурного обращения» с ними [Письма советских учёных... 1990: 111]. В защиту приговорённых по делу церковных деятелей Петрограда выступили известный правовед, автор многочисленных статей и книг по общим и частным юридическим вопросам профессор А.А. Жижиленко и будущий академик Д.Б. Рязанов [Судебная расправа 1922 года... 1992: 112]. Профессор уголовного права А.А. Жижиленко был известен как страстный пропагандист презумпции невиновности [Жижиленко 1909; Жижиленко 1914 и др.].

На этом процессе он защищал своего коллегу — профессора уголовного права Ю.П. Новицкого, профессоров богословия В.Н. Бенешевича и П.А. Карабинова, профессора Военно-юридической академии М.Ф. Огнева. По мнению государственного обвинителя на данном процессе, высшее образование подсудимых было обстоятельством, усугублявшим их вину [«Дело» митрополита Вениамина... 1991: 12, 18, 64–65]. Профессор Д. Кузовков в докладной записке, направленной, вероятно, в Политбюро ЦК РКП (б), в числе «своеобразных условий», созданных политикой правящей партии, называл отсутствие научной перспективы и снижение ответственности из-за коллегиально принимаемых решений, фактически диктаторское положение и монополию взглядов наркомов [Дегтярев 1992: 18].

Не могли не тревожить властные структуры попытки создания новых научных обществ в 1921–1922 гг. После увольнения ректора Петроградского университета, выдающегося отечественного зоолога В.М. Шимкевича, многих профессоров лишили права преподавать, в том числе, П.А. Сорокина, по словам которого «такая политика была настоящим испытанием

нравственных и гражданских позиций русских учёных». Не случайно, что «двое наиболее часто выступающих с критикой коммунизма учёных» — И.П. Павлов и П.А. Сорокин — организовали Общество объективных исследований человеческого поведения, в котором первый был почётным, а второй — действующим председателем [Сорокин 1992: 134].

Касаясь мотивов высылки, один из подвергнутых депортации философ Н.А. Бердяев чётко указал, что был выслан не по политическим, а по идеологическим причинам, на аналогичную причину высылки профессоров и писателей обратил внимание в «Истории русской философии» Н.С. Лосский [Бердяев 1991: 236–237; Лосский 1991: 268]. Причиной высылки интеллигенции являлась неуверенность руководителей советского государства в своей способности удержать власть после окончания гражданской войны; сменив политику «военного коммунизма» на новый экономический курс и разрешив в сфере экономики рыночные отношения и частную собственность, большевистское руководство понимало, что оживление мелкобуржуазных отношений неминуемо вызовет всплеск политических требований о свободе слова, а это представляло прямую угрозу власти вплоть до смены социального строя.

На допросах в ГПУ в мае-ноябре 1922 г. профессора Ф.А. Степун, Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, Л.П. Карсавин, А.С. Изгоев, И.Н. Куколевский показали, что относились к советской власти вполне лояльно, считали необходимой «непрерывную работу учёных людей на ниве народного просвещения», отрицательно относились к саботажу и эмиграции, высказывались за «духовную неприемлемость большевистки-коммунистического мирозерцания», многие критиковали реформы высшей школы, сочувственно относились к сменовеховцам [Макаров 2002].

Обвинение в контрреволюционности было слишком натянутым, и в качестве причины высылаемым объяснялось их нежелание примириться и работать с советской властью. По этому поводу заместитель председателя Союза писателей М. Осоргин писал, что по отношению к большинству это обвинение было неправильным и бессмысленным: «Или разве кто-нибудь из этих людей науки и литературы думал тогда о заговоре против власти, борьбе с ней? Думали о количестве селёдок в академическом пайке! Работали все, кто как умел и мог: но желать работать с властью, — для меня лично было достаточно опыта Комитета помощи голодающим, призванного властью для срочной совместной работы; это случайно не кончилось расстрелом» [Осоргин 1990: 121].

Историк С.П. Мельгунов заявил на допросе 5 июня 1922 г., что, не являясь принципиальным сторонником советской власти и той государственной системы, которую она строит, он, тем не менее, относился к ней лояльно [Протокол допроса С.П. Мельгунова... 2003: 127]. Любопытно, что в феврале того же года Президиум ВЦИК на основании ходатайства Академии наук постановил освободить Мельгунова из-под ареста и откомандировать его «для научных занятий».

Подавляющее большинство высланных интеллектуалов активно занимались научно-педагогической деятельностью либо служили специалистами в учреждениях, порождённых НЭПом. В частности, С.Е. Трубецкой, работавший в Госсельсиндикате, считал, что его служба оплачивалась исключительно хорошо, и, считая в золоте или твёрдой валюте, он далеко не получал потом в эмиграции такого высокого вознаграждения, как тогда [Трубецкой 1992: 131]. Разумеется, подобного рода специалисты были заинтересованы в продолжении политики нэпа, а сотрудники журнала «Экономист» разрабатывали альтернативную программу углубления этой политики. Именно с этим не были согласны советские лидеры.

В резолюции XII Всероссийской конференции РКП (б) 4–7 августа 1922 г., принятой по докладу Г.Е. Зиновьева, применительно к деятелям науки констатировалось, что антисоветские партии и течения держат курс на «врастание» в советский режим, который они надеются постепенно изменить в духе буржуазной демократии, а также обосновывалось применение репрессий «по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо беспартийной буржуазно-демократической интеллигенции», для которой подлинные интересы науки, техники, пе-

дагогике, кооперации являются только пустым словом, политическим прикрытием [XII Всероссийская конференция РКП (б)... 2003: 127].

Кроме того, в опубликованном сообщении Исполкома Коминтерна о завершившемся судебном процессе над эсерами было обосновано важнейшее для советского политического режима положение о том, что «революционная власть далека от буржуазного обожания буквы закона» [Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала... 1922]. На основании принятого политического решения органы госбезопасности перешли к активным действиям, так как Политбюро признало работу комиссии по высылке неудовлетворительной «как в смысле величины списка, так и в смысле его недостаточного обоснования». ГПУ поручалось разработать индивидуальные меры в отношении интеллигентов, враждебно настроенных к Советской власти [Доклад т. Уншлихта... 1922]. Заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт 18 августа 1922 г. направил В.И. Ленину утверждённые Политбюро «списки интеллигенции», т. е. кандидатов на высылку по Москве, Петрограду и Украине [Уншлихт И.С. — Ленину В.И... 1922].

5 сентября 1922 г. Ф.Э. Дзержинский обратился к И. Уншлихту с письмом, в котором утверждалось: «Директивы В.И. (Ленина). Продолжить неуклонно высылку активной антисоветской интеллигенции (меньшевиков в первую очередь) за границу... Надо всю интеллигенцию разбить по группам... Сведения должны собираться всеми нашими отделами и стекаться в отдел по интеллигенции. На каждого интеллигента должно быть дело; каждая группа должна быть освещена всесторонне компетентными товарищами, между которыми эти группы должны распределяться нашим отделом» [Заметки Ф.Э. Дзержинского... 1922].

Из данного письма следует, во-первых, что директивы по вопросам административной высылки шли от В.И. Ленина; во-вторых, учёные могли входить в каждую из групп, о которых вёл речь руководитель ГПУ; в-третьих, в этой системе был заблаговременно создан отдел по интеллигенции, а главным специалистом по данному вопросу стал известный чекист Я. Агранов, с отъездом которого, сетовал Ф.Э. Дзержинский, нет лица, достаточно компетентного. 17 сентября 1922 г. В.И. Ленин просил Уншлихта вернуть списки «с заметками, кто выслан, кто сидит, кто (и почему) избавлен от высылки» [Ленин В.И. — Уншлихту И.С... 1922]. 18 сентября 1922 г. Г.Г. Ягода возвратил В.И. Ленину списки антисоветской интеллигенции с комментариями о действиях, предпринятых в отношении высылаемых [Ягода Г.Г. — Ленину В.И... 1922].

Одновременно были предприняты пропагандистские усилия для разъяснения причин и обстоятельств депортации. 30 августа 1922 г. в интервью Л. Брайант-Рид Л.Д. Троцкий называл высылаемых политически ничтожными, но они — «потенциальное оружие в руках наших возможных врагов». В случае военных осложнений, утверждал Троцкий, мы вынуждены будем расстрелять их по законам войны [Троцкий 1922a].

В опубликованной на следующий день его статье «Первое предостережение» Л.Д. Троцкий пояснял, что высылаемые по постановлению ГПУ наиболее активные контрреволюционные элементы из среды профессуры, врачей, агрономов, литераторов издевались над государством, которое «не имело достаточного кадра своей собственной интеллигенции, и проводили политику открытого и тайного саботажа». Важно заметить, что в статье указывалось на высылку по решению административного органа — ГПУ, в качестве причины депортации назывался саботаж, причём под «тайный саботаж» можно было подвести любое проявление инакомыслия. С точки зрения Л.Д. Троцкого, осуществлялась высылка контрреволюционных элементов, вообразивших, что при НЭПе им будет позволено готовить контрреволюционный переворот. Троцкий настаивал на том, что среди высылаемых нет крупных научных имён, «в большинстве это — политиканствующие элементы профессуры» [Троцкий 1922b].

Практическая деятельность по подготовке и осуществлению высылки интеллигенции была освещена в Циркулярном письме ГПУ от 23 ноября 1922 г., в котором указывалось, что

«контрреволюционные элементы профессуры пытались и пытаются использовать кафедру высшей школы в качестве орудия антисоветской пропаганды»; профессура ряда высших учебных заведений Москвы и Петрограда провела весной 1922 г. ряд забастовок, где наряду с экономическими требованиями были выдвинуты и требования автономии высшей школы, свободы профессорских и студенческих ассоциаций [Ленин В.И. — Уншлихту И.С. 1922].

При начальнике Секретно-Оперативного Управления ГПУ учреждалось особое бюро по административной высылке антисоветской интеллигенции. ГПУ настаивало на том, что административная высылка могла применяться к определённым лицам при возможности вменения ему какой-либо из ст. 57, 62, 63, 69, 70 Уголовного кодекса (участие или пособничество антисоветским организациям, контрреволюционные выступления на съездах, конференциях и в печати и пр.) в случае, если материал недостаточен для предания дела суду. Считалось, что административные репрессии могут касаться главным образом видных деятелей антисоветской интеллигенции; «должны приниматься во внимание удельный вес данного лица в качестве научной и технической силы и степень его полезности для Советской республики».

В октябре-декабре 1922 г. Политбюро неоднократно рассматривало вопрос о высылке учёного-историка Н.А. Рожкова, который, несмотря на его заявления о выходе из партии меньшевиков и вступление в группу левой профессуры, представленный проект доклада о роли интеллигенции в революции, тем не менее, был выслан в Псков [Решение Политбюро ЦК РКП (б)... 1922а; Решение Политбюро ЦК РКП (б)... 1922b; Мессинг С.А. — Зиновьеву Г.Е... 1922; Ленин В.И. — Сталину И.В. 1922b].

Важной проблемой является оценка итогов высылки, относительно которой в литературе высказывалось мнение, что эта мера не затронула основную часть крупных естествоиспытателей, по отношению к которым органы советской власти занимали иную позицию, чем по отношению к учёным-гуманитариям. [На переломе... 1990: 16] Существует точка зрения (С. Хоружий и др.), что численность высланных профессоров естественных и технических наук равнялась совокупности философов, социологов, правоведов, в количественном отношении среди высланных преобладали экономисты, агрономы, кооператоры. Однако из 116 кандидатов на высылку по девяти спискам, утвержденным Политбюро ЦК РКП (б) 10 августа 1922 г., профессоров и других деятелей науки было 64 человека или 55 процентов, что свидетельствует о преобладании представителей научной общности [Постановление Политбюро ЦК РКП (б)... 1922b: 81–90].

В частности, математик Д.Ф. Селиванов был арестован 16 августа 1922 г. за «буржуазный» метод преподавания этой науки инженерам. По этому поводу Н.О. Лосский заметил, что в то время большевики считали, что инженеру нужно знать формулы, но не требуется знать, как они обосновываются [Лосский 1994: 239].

Среди высланных были видные представители инженерно-технической интеллигенции. Так, в список кандидатов на высылку были включены профессора Московского высшего технического училища В.В. Зворыкин, Н.Р. Брилинг, И.И. Куколевский, профессора Института инженеров путей сообщения Т.П. Кравец, Н.Д. Тяпкин, профессор института им. К. Маркса Н.А. Изгарышев, целая группа специалистов согласно «Списку антисоветских инженеров (Москва)», утверждённых на высылку постановлением Политбюро ЦК РКП (б) от 10 августа 1922 г. ГПУ предлагалось всех подвергнуть обыску, арестовать только тех, кто может скрыться, к остальным применить домашний арест [Постановление Политбюро ЦК РКП (б)... 1922а].

Не по своей воле страну покинули учёные-медики: декан медицинского факультета Казанского университета П.В. Трошин, профессор гистологии В.Е. Фомин, группа медиков по «Списку врачей». Среди высылаемых оказались специалисты в области сельского хозяйства: профессор Петроградской сельскохозяйственной академии Б.Д. Бруцкус, профессор А.А. Рыбников, довольно значительная группа «антисоветских агрономов и кооператоров».

Таким образом, говорить о более позитивном отношении властей к «нефилософам» вряд ли имеет смысл.

Ряд авторов акцентировали внимание на том, что после высылки умами Россия оставалась богата, в стране продолжали работать видные философы Г.Г. Шпет, директор Психологического института Г.И. Челпанов, П.А. Флоренский, В.Ф. Асмус, А.Ф. Лосев, П.С. Попов [На переломе... 1990: 16]. Действительно, по данным справочника «Наука в России» за 1922 г. только в Петрограде было зарегистрировано около 4000 научных специалистов [Наука в России... 1923]. Даже если предположить, что выслано было 500 деятелей науки и техники, с количественной точки зрения, потеря не выглядит катастрофической. Однако депортировались учёные, за каждым из которых стоял длительный опыт научно-исследовательской деятельности, часто руководство научными школами, востребованность в условиях оживления кооперативного движения, промышленности, торговли.

Административной высылке подверглись видные организаторы науки: последний выборный ректор Московского университета М.М. Новиков, директор Томского технологического института Е.Л. Зубашев, проректоры Петербургского университета профессор права А.А. Боголепов и профессор-почвовед Б.Н. Одинцов, координатор деятельности научных обществ — председатель правления Дома учёных в Москве профессор МВТУ В.И. Ясинский, видные историки (С.П. Мельгунов, А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский и др.), социолог П.А. Сорокин, выдающиеся философы (Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин, И.И. Лапшин, Л.И. Шестов, Ф.А. Степун, Б.П. Вышеславцев), было выкорчевано целое направление в экономической науке, представленное авторами журнала «Экономист». Явными были потери для отечественной лингвистики в лице высланных Е. Трубецкого и Р.О. Якобсона.

Для понимания целей акции по истощению интеллектуального слоя России целесообразно обратиться к сделанной перед высылкой записи беседы П.А. Сорокина с Г.Л. Пятаковым. Последний утверждал, что в России происходит два процесса: один — восстановление буржуазного общества, другой — процесс приспособления к этому Советской власти, причём первый процесс идёт быстрее, чем второй. «Это создаёт угрозу нашему существованию. Наша задача — замедлить развитие первого процесса, — утверждал Пятаков, — а ты и остальные, кого мы высылаем, ускоряете его. Вот почему вас высылают. Возможно, года через два-три пригласим вас назад» [Сорокин 1992: 144].

Высылка для советских лидеров типа Г.Л. Пятакова представляла собой крупномасштабную акцию по насильственному устранению из страны потенциальных, а отнюдь не реальных интеллектуальных противников, которые могли в условиях НЭПа выступить с претензиями на политическую либерализацию. По мнению Ш. Фитцпатрик, депортация деморализовала школы социальных исследований в дореволюционных университетах, с которыми были связаны высылаемые [Fitzpatrick 1992: 46]. Так как среди высланных находились организаторы науки, учёные в области естественных и технических наук, думается, что подобный процесс охватил не только отечественные немарксистские гуманитарные школы.

Кроме того, имеет место идущая от Л.Д. Троцкого точка зрения о том, что высылка спасла жизнь многим русским интеллигентам, вошедшим в мировую науку и культуру. Последнее представляется верным, как и то, что в результате ее оголились целые направления отечественной науки. Вместе с тем, оставшись в России, эти люди наверняка стали бы объектами репрессивной политики в отношении науки в последующий период.

Наконец, высылка 1922 г. призвана была нанести косвенный удар по российской научной эмиграции, придерживавшейся доктрины сменовеховства. Так, в августе 1922 г. один из видных украинских партийных деятелей Д.З. Лебедь информировал секретарей губкомов этой республики, что ЦК дал директиву провести аресты и наметить к высылке тех профессоров и представителей интеллигенции, которые явно или тайно начинают протаскивать свои сменовеховские расчёты в практику высшей школы и иных советских учреждений. «Из наме-

ченных 70 профессоров и нескольких врачей большинство оказывается активными идеологами буржуазии, бывшими членами кадетской партии, которые сейчас пытались в новой фразеологии проповедовать старые кадетские лозунги»; после высылки тот же Лебедь констатировал настроение оставшейся профессуры — готовы служить и не раздумывать [Касьянов 1992: 42–43].

Вместе с тем исследовавший протоколы ЦК КП (б)У за 1919–1923 гг. К.К. Васильев, пришёл к выводу, что бедная научными силами страна потеряла многих учёных в результате политической эмиграции, повышенной смертности в годы гражданской войны; отсюда такое решение: высылать за границу не всех. Части профессоров высылка отменялась вообще, других использовали для строительства нового общества, но где-нибудь в глубинке РСФСР под надзором местных органов ГПУ [Васильев 2004: 22].

По вопросу о том, достигла ли депортация своей цели в высшем советском руководстве существовали серьёзные сомнения. 27 мая 1923 г. Ф.И. Дзержинский в письме И.С. Уншлихту и В.Р. Менжинскому высказался за нецелесообразность практики массовых высылки, пояснив, что «массовые высылки вызывают у меня большие опасения»; по данному вопросу он считал необходимым войти с предложением в ЦК партии [Дзержинский Ф.Э. — Уншлихту И.С... 1923].

В целом, административная высылка 1922 г. затронула в большей мере деятелей науки, профессоров, востребованных в условиях НЭПа специалистов и явилась показателем глубокой противоречивости советского политического режима начала 20-х годов, породившего у российских учёных определённые надежды на возможную политическую либерализацию, в особенности, перед Генуэзской конференцией. В период подготовки и осуществления этой акции в высшем советском партийно-государственном руководстве отсутствовало единство по вопросу депортации учёных и деятелей культуры. Основным исполнителем решений Политбюро ЦК РКП (б), связанных с высылкой, было ГПУ, административная высылка стала методом борьбы с интеллектуальной оппозицией, считавшейся партийно-государственным руководством оппозицией политической. Этот метод отражал всю противоречивость государственного механизма диктатуры пролетариата начала 20-х гг. и привёл к разрушению значительного числа состоявшихся научных школ, которые возглавлялись депортированными деятелями науки.

ХII Всероссийская конференция РКП (б)... 2003. ХII Всероссийская конференция РКП (б). Об антисоветских партиях и течениях. — *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*. — Изд. 6-е.

Агранов Я. 1922. Об антисоветских группировках среди интеллигенции»: Докладная записка ГПУ в Политбюро ЦК РКП (б) 1 июня 1922 г. — *РГАСПИ*¹. — Ф. 17. — Оп. 86. — Д. 17. — Л. 55–59.

Бердяев Н.А. 1991. *Самопознание*. — Л.

Бруцкус Б.Д. 1990. Социалистическое хозяйство. — *Новый мир*. — № 8 — С. 174–212.

Васильев К.К. 2004. «Философский пароход»: как это делалось на Украине (по протоколам заседаний ЦК Коммунистической партии (большевиков) Украины. — *Интеллигенция России и Запада в ХХ–ХХI вв.: выбор и реализация путей общественного развития*. — Екатеринбург.

Геллер М., Некрич А. 1990. Утопия у власти. — *Даугава*. — № 12.

Главацкий М.Е. 2002. «Философский пароход»: год 1922-й: *Историографические этюды*. — Екатеринбург.

¹ Российско-государственный архив социально-политической истории.

Горький А.М. — Рыкову А.И... 1989. Горький А.М. — Рыкову А.И. 1 июля 1922 г. Из переписки А.М. Горького. — *Известия ЦК КПСС*. — № 1.

Дегтярев Г.П. 1992. Нэп: идеологические тупики реформы. — *Вестник РАН*. — № 4.

Доклад т. Уншлихта... 1922. Доклад т. Уншлихта: Постановление Политбюро ЦК РКП (б) 20 июля 1922 г. Пункты 13,14. — *РГАСПИ*. — Ф. 17. — Оп. 163. — Д. 287. — Л. 18, 19.

«Дело» митрополита Вениамина... 1991. *«Дело» митрополита Вениамина. Петроград, 1922*. — М.

Дзержинский Ф.Э. — Уншлихту И.С... 1923. Дзержинский Ф.Э. — Уншлихту И.С., копия Менжинскому В.Р. 27.05.1923 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 76. — Оп. 3. — Д. 150. — Л. 20.

Жижиленко А.А. 1909. *О безответственности народных представителей*. — Ярославль.

Жижиленко А.А. 1914. *Наказание и его отличие от других правоохранительных средств*. — Пг.

Заметки Ф.Э. Дзержинского... 1922. Заметки Ф.Э. Дзержинского после разговора с В.И. Лениным об организации работы по высылке интеллигенции. 4–5.09.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 76. — Оп. 3. — Д. 303. — Л. 1–3.

Зиновьев Г.Е. 1922. Наброски тезисов к докладу «Об антисоветских партиях и течениях». Август 1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 49. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 16–28.

Из Циркулярного письма ГПУ № 26... 1922. Из Циркулярного письма ГПУ № 26 «Об антисоветском движении среди интеллигенции» от 23 ноября 1922 г. — *«Философский пароход»*. *Высылка учёных и деятелей культуры из России в 1922 г.* Предисловие В.С. Христофорова.

Ильин И.А. 1990. Наши задачи. Избранные статьи. — *Юность*. — № 8.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала... 1922. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала. Справедливый приговор. — *Правда*. — 1922. — 9 августа.

Кадеты за работой... 1922. Кадеты за работой. — *Правда*. — 1922. — 17 февраля.

Касьянов Г.В. 1992. *Українська інтелігенція 1920-х — 30-х років: соціальний портрет та історична доля*. — Київ.-Едмонтон.

Короленко В. 1989. Если возможен ещё выход для России, то он только в одном: в возвращении к свободе. — *Родина*. — № 3.

Ленин В.И. — Дзержинскому Ф.Э... 1922. Ленин В.И. — Дзержинскому Ф.Э. 19.05.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 23211. — Л. 1,1 об, 2, 2 об.

Ленин В.И. 1970. *Полн. собр. соч.* — Т. 53. — М.: Политиздат.

Ленин В.И. — Сталину И.В... 1922а. Ленин В.И. — Сталину И.В. 16.07.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 1338. — Л.1–11 об.

Ленин В.И. — Сталину И.В... 1922б. Ленин В.И. — Сталину И.В. 13.12.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 1344. — Л. 1.

Ленин В.И. — Уншлихту И.С... 1922. Ленин В.И. — Уншлихту И.С. 17.09.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 1245. — Л. 1.

Лосский Н.О. 1991. *История русской философии*. — М.

Лосский Н.О. 1994. *Воспоминания: Жизнь и философский путь*. — СПб.

Макаров В.Г. 2002. Архивные тайны: интеллигенция и власть. — *Вопросы философии*. — № 10. — С.108–155.

Мессинг С.А. — Зиновьеву Г.Е... 1922. Мессинг С.А. — Зиновьеву Г.Е. Не позднее 26.10.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 24809. — Л. 2–5.

На переломе... 1990. *На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение*. — Сост. П.В. Алексеев. — М.

Наука в России... 1923. *Наука в России: Справочник. Данные к началу 1922 года.* — Сост. Комиссией «Наука в России» при РАН. Под наблюдением С.Ф. Ольденбурга. Научные работники Петрограда. — М.-Пг.

Об административной высылке... 1922. Об административной высылке: Декрет ВЦИК. 10 августа 1922 г. — *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства.* — М. — № 51. — Ст. 646.

Об антисоветских группировках... 1922. Об антисоветских группировках среди интеллигенции: Постановление Политбюро ЦК РКП (б). 8 июня 1922 г. (проект решения). — *РГАСПИ.* — Ф. 17. — Оп. 86. — Д. 17. — Л. 51–59.

Обзор ГПУ... 2003. Обзор ГПУ политико-экономического состояния РСФСР по округам за март 1922 г. — *Философский пароходъ. Высылка интеллигенции из Советской России в 1922 году.*

Осоргин М. 1990. Как нас уехали: Юбилейное. — *Социологические исследования.* — № 3.

Очистим Россию надолго... 2003. «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. — Вступительная статья, комментарии и подготовка документов к публикации А.Н. Артизова. — *Отечественные архивы.* — № 1.

Письма советских учёных... 1990. Письма советских учёных руководителям партии и государства (1922–1934). — *Вестник АН СССР.* — № 10.

Политбюро ЦК РКП (б). — Губкомам РКП (б)... 1922. Политбюро ЦК РКП (б). — Губкомам РКП (б). 22.06.1922 г. — *РГАСПИ.* — Ф. 49. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 10 а.

Постановление Политбюро ЦК РКП (б)... 1922а. Постановление Политбюро ЦК РКП (б) от 22.06.1922 г. — *РГАСПИ.* — Ф. 17. — Оп. 163. — Д. 282. — Л. 18.

Постановление Политбюро ЦК РКП (б)... 1922б. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении списка высылаемых из России интеллигентов. 10 августа 1922 г. ПБ № 21/7. Приложения 1–9. — *«Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г.*

Постановление Политбюро ЦК РКП (б)... 1922с. Постановление Политбюро ЦК РКП (б) о предоставлении Ф.Э. Дзержинскому права вносить изменения в список высылаемых. 24 августа 1922 г. — *«Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г.*

Просим освободить... 1998. *Просим освободить из тюремного заключения.* — Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. — М.

Протокол допроса С.П. Мельгунова... 2003. Протокол допроса С.П. Мельгунова от 5 июня 1922 г. — С.П. Мельгунов — пассажир «философского парохода». Предисловие В.С. Христофорова. — *Новая и новейшая история.* — № 2.

Протокол допроса Н.А. Бердяева... 1994. Протокол допроса Н.А. Бердяева. Отдел секретный. 18 августа 1922 г. — *История России 1917–1940. Хрестоматия.* — Под ред. М.Е. Главацкого. — Челябинск.

Протокол заседания Политбюро ЦК РКП (б) № 8... 1922. Протокол заседания Политбюро ЦК РКП (б) № 8 от 24.05.1922 г. Пункт 22. — *РГАСПИ.* — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 294. — Л. 5.

Решение Политбюро ЦК РКП (б)... 1922а. Решение Политбюро ЦК РКП (б) от 19.10.1922 г. — *РГАСПИ.* — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 318. — Л. 3.

Решение Политбюро ЦК РКП (б)... 1922б. Решение Политбюро ЦК РКП (б) от 26.10.1922 г. — *РГАСПИ.* — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 319. — Л. 2.

Семашко Н.А. — Членам Политбюро ЦК РКП (б)... 1922. Семашко Н.А. — Членам Политбюро ЦК РКП (б). 21.05.1922 г. — *РГАСПИ.* — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 23224. — Л. 1–1 об.

Сорокин П. 1992. *Дальняя дорога. Автобиография.* — М.

Судебная расправа 1922 года... 1992. Судебная расправа 1922 года: академик Рязанов против карательной практики большевиков. — *Вестник РАН*. — № 4.

Томский М.П. 1922. Запись на письме Н.А. Семашко от 21.05.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 2.

Троцкий Л.Д. 1922а. Из беседы с Л. Брайант-Рид. — *Правда*. — 30 августа.

Троцкий Л.Д. 1922б. Первое предостережение. — *Правда*. — 31 августа.

Трубецкой С.Е. 1992. *Минувшее*. — М.

Уншлихт И.С. — В Политбюро ЦК РКП (б)... 1922. Уншлихт И.С. — В Политбюро ЦК РКП (б). В.И. Ленину. 7.01.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 5. — Оп. 2. — Д. 46. — Л.9–10.

Уншлихт И.С. — Ленину В.И... 1922. Уншлихт И.С. — Ленину В.И. 18.08.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 2603. — Л. 1–1 об.

Философский пароход... 2002. «Философский пароход». Высылка учёных и деятелей культуры из России в 1922 г. Предисловие В.С. Христофорова — *Новая и новейшая история*. — № 5.

Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. 1990. Горький и дело эсеров. — *Дружба народов*. — № 12.

Чубутский П. 1992. Новое народничество. 1922 г. — *Новое время*. — № 7.

Ягода Г.Г. — Ленину В.И... 1922. Ягода Г.Г. — Ленину В.И. 18.09.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 1245. — Л. 2–6.

Fitzpatrick S. 1992. *The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia*. — Ithaca, London.